

УДК 316.25

**СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО И АССОЦИАЦИЙ:
ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ И ГАБРИЕЛЬ ТАРД ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ОБЩЕСТВЕ**

© 2016 г.

А.В. Курамиев, А.А. Широков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

neededs@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 08.12.2015**Статья принята к публикации 10.08.2016*

Делается попытка пересмотреть оценку вклада в развитие социологической теории Э. Дюркгейма и Г. Тарда. На основе применения компаративного анализа теорий социальных изменений демонстрируются различия проектов социологии Э. Дюркгейма и Г. Тарда: эти различия не сводятся к противостоянию психологизма и социологизма или социологического номинализма и реализма, а рассматриваются как результат принципиально различного понимания природы социального факта. Авторы акцентируют внимание на недооцененности в российской социологии проекта социологии ассоциаций Г. Тарда как альтернативы социологии Э. Дюркгейма.

Ключевые слова: Э. Дюркгейм, Г. Тард, теории социальных изменений, социальное, ассоциация, социальный факт.

14 марта 2008 г. в Кембриджском университете начались дебаты о природе социологии и её отношения к другим наукам. Прототипом выступили дебаты между Г. Тардом и Э. Дюркгеймом, которые проходили в Высшей школе социальных наук (Ecole des Hautes Etudes Sociales) в 1903 г.¹ Зачем нужна была реконструкция старых дебатов? Одним из инициаторов выступил Б. Латур, значительная часть работ которого связана с такой областью, как исследования науки и технологий (Science and Technology Studies, STS)², в частности он предложил оригинальную теорию науки и того, как конструируются научные факты [3]. Согласно ей, наука – это один из способов упорядочивания, который существует в современном, так называемом западном или модерном мире, то есть наука – это некоторый способ создать порядок³, притом что любой порядок есть некоторая форма асимметрии. Согласно Б. Латуру, наука делает примерно следующее: до того как установлен научный факт, существует равная вероятность, равная возможность произнесения любого высказывания. Любое высказывание, в целом, является возможным, например: общество – это реальность особого рода или общество – это способ связи между собой элементов (ассоциация). В ходе научного процесса эти высказывания (или описания реальности, будь то социальной реальности или реальности вообще) нагружаются ресурсами (аргументами, исследованиями, данными и т.п.) и из этого множества отбираются одно или несколько описаний, которые будут более вероятны, возникает асим-

метрия. Соответственно, в нашем случае, представление, согласно которому общество – это сущность особого рода, становится более распространено, производство таких высказываний становится более вероятно. Чтобы создать такие асимметрии, ученые спорят между собой, пытаются убедить друг друга. Б. Латур указывает на то, что термин «спор» удачен, так как это понятие объединяет политический и эпистемологический контексты. Классические исследования науки демонстрируют, что на научный процесс влияет множество различных факторов, в том числе социальных и политических, хотя это и не означает, что они некоторым образом детерминируют научное знание.

В случае Э. Дюркгейма и Г. Тарда причина поражения последнего в интеллектуальном «поединке» было множество. Спор между ними был чем-то большим, нежели простое различие во мнениях: произошло столкновение двух конфликтующих традиций мысли, двух оппозиционных секторов французского общества, двух враждебных систем институтов. «Концепция Дюркгейма основывалась на картезианстве. Наследство, ассоциируемое с именем Декарта, отождествлялось с причиной, порядком и властью и приютилось в бюрократических институтах, служивших примером этого духа геометрии: церковь, правительственная администрация, армия и государственная университетская система. [...] Поскольку буржуазия и картезианство все более и более отождествлялись с установленными в конце XIX века институтами, их оппоненты были все более и более антибур-

жуазными, антиинституциональными, антиколлективными и время от времени революционными» [5, с. 309]. Позитивизм стал официальной научной доктриной после создания во Франции Третьей республики [6, с. 36]. Помимо этого Э. Дюркгейм переиграл Г. Тарда не в интеллектуальном споре, а на поле институализации социологии как научной дисциплины во Франции. «Это стало возможным благодаря “широкому” дюркгеймовскому определению социологии как науки, которое позволило наиболее талантливым представителям философии, истории, права и лингвистики занять посты в самых влиятельных университетах Франции и выработать социологическую ориентацию в каждой из этих дисциплин» [7, с. 308–309].

Однако важно понять, что все могло сложиться по-другому, в качестве более вероятного могло устояться иное описание реальности, история могла пойти иначе⁴. Поэтому чтобы понять историю науки, нам необходимо совершить некоторый скачок во времени, когда есть несколько альтернативных высказываний, и забыть об исходе исторических процессов. «История науки редко бывает справедлива не только к побежденным, но даже и к победителям. Она отдает слишком много одним и слишком мало другим. Следует быть справедливее и одинаково судить о победителях и побежденных» [9, с. 66]. Соответственно, чтобы понять асимметрию, нужно практиковать симметрию⁵. Чтобы понять те дебаты и споры, которые проходили на заре утверждения социологической дисциплины, мы будем рассматривать теории Г. Тарда и Э. Дюркгейма симметрично.

Ключевым вопросом, который обсуждался в 1903 г., было «отношение между социологией и другими социальными науками и вспомогательными дисциплинами». В начале транскрипции этих дебатов приведена цитата сына Г. Тарда – Гийома Де Тарда: «Вы вспоминаете дискуссию между Дюркгеймом и моим отцом, имевшую место в высшей школе социальных наук? Они еще не сказали и слова, но по их лицам, взгляду, жестам и расстоянию между ними всем было понятно, что подобный разговор был абсолютным безумием» [12, р. 1].

В конце XIX в. Г. Тард был одной из ключевых фигур социологии во Франции и преподавал в Коллэж де Франс (le Collège de France). Э. Дюркгейм с 1902 г. возглавлял кафедру «науки о воспитании» в Сорбонне, которая впоследствии была переименована в кафедру «науки о воспитании и социологии». Через год после дебатов Г. Тард умер, заняв хотя и почетную, но не соответствующую ему позицию «предшественника»

классиков социологии – причем не самого лучшего, так как был заклеен грехом «психологизма» и «спиритуализма» [13, р. 117]. Однако стоит отметить, что за последние десятилетия интерес к фигуре Г. Тарда возрос, например, в Англии вышел сборник статей, посвященный его наследию [14], а в 2012 г. вышло очередное переиздание его главной работы «Монадология и социология» [15]. В то же время в российском поле социологии рецепция остается прежней – социолог психологического направления [16–20].

Мы же обратимся к другому, но не менее важному для обоих оппонентов вопросу – социальным изменениям, посмотрим, какие теории социальных изменений предлагают Э. Дюркгейм⁶ и Г. Тард⁷ и как они могут нам помочь понять те социальные изменения, которые происходят в современном обществе.

Сначала рассмотрим основные положения теории социальных изменений Э. Дюркгейма. Ее основа изложена в работе «О разделении общественного труда», где он анализирует изменения в основном на макро- и мезоуровнях. Разделение труда является для него структурой общества: «...разделение труда свойственно не только миру экономики; его возрастающее влияние можно наблюдать в самых разнообразных областях общественной жизни» [21, с. 44]. В этой работе Э. Дюркгейм пытается ответить на один из главных вопросов социологии – как возможно общество? Каким образом совокупность индивидов может его составить? Солидарность становится ключевой категорией для решения этих вопросов.

Механическая солидарность – это солидарность вследствие сходства: индивиды подобны друг другу и взаимозаменяемы. Будучи членами одного и того же коллектива, они похожи друг на друга, потому что испытывают одинаковые чувства, привержены одинаковым ценностям, признают одно и то же священным. Общество сплочено, потому что индивиды еще не дифференцированы. Примером являются неразвитые, архаичные общества. Этому виду солидарности соответствует репрессивное право – наказание индивида, нарушившего закон, обычай. Усложнение разделения труда происходит вследствие изменения формы коллективного сознания и возникновения нового типа солидарности – органической, при которой сплоченность коллектива происходит уже вследствие дифференциации. Консенсус достигается, поскольку индивиды различны, по аналогии с живым организмом, в котором каждый орган выполняет свою отличную функцию, но для жизни необходимы они все, каждый делает свой вклад. Здесь господствует реститивное право

(восстановление в правах, в имущественном положении и др.).

Механическая солидарность присуща тем обществам, которые Э. Дюркгейм назвал сегментарными. «Мы говорим об этих обществах, что они сегментарны, чтобы указать, что они образованы повторением подобных между собой агрегатов» [21, с. 167]. Сегмент – это некоторая группа, в которой индивиды тесно связаны друг с другом, но в то же время она локализована, относительно изолирована от других и ведет собственную жизнь. Сегментарное устройство несовместимо с органической солидарностью, поскольку сегмент предполагает самодостаточность и разрыв с внешним миром.

Первопричина усложнения общественной дифференциации и разделения труда – дезинтеграция механической солидарности и сегментарной структуры. Развитие органической солидарности происходит вследствие увеличения объема общества и его материальной и моральной плотности. «Разделение труда прямо пропорционально объему и плотности обществ, и если оно прогрессирует непрерывно в процессе социального развития, то потому, что общества становятся более плотными и, как правило, более объёмистыми» [21, с. 244]. Одно увеличение объема не вызывает общественной дифференциации, чтобы это произошло, необходимо также увеличение плотности – моральной и материальной. Материальная плотность – это концентрация индивидов на данной площади, а моральная плотность – это интенсивность коммуникаций и взаимодействий между индивидами. «Разделение труда прогрессирует, стало быть, тем более, чем больше число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении, чтобы иметь возможность воздействовать и реагировать друг на друга» [21, с. 239]. «Моральная плотность не может увеличиваться без того, чтобы не возрастала в то же время материальная плотность...» [21, с. 240]. Таким образом, общественная дифференциация – это результат увеличения объема общества и его материальной и моральной плотности.

Для объяснения смены формы солидарности Э. Дюркгейм опирается не только на понятие о борьбе за существование: чем больше индивидов живут вместе, тем сильнее борьба за существование [21, с. 248]. В этом объяснении заметно также влияние теории общественного договора Т. Гоббса [25]. Общественная дифференциация – это своего рода мирное разрешение борьбы за существование. Вместо уничтожения одних ради выживания других, как это происходит в животном мире, разделение труда позволяет уцелеть большему числу индивидов.

Каждый перестает воевать со всеми и получает возможность выполнять определенную функцию. Необходимость уничтожения большинства индивидов пропадает в тот момент, когда они становятся непохожими друг на друга, каждый вносит свой вклад в жизнь всех остальных. «Итак, разделение труда есть результат борьбы за существование; но оно представляет её смягченную развязку. Благодаря ему соперники не вынуждены истреблять друг друга, но могут существовать бок о бок» [21, с. 252–253].

Таким образом, в теории социальных изменений Э. Дюркгейма общество движется от сегментарного устройства к организованному. Переход от механической к органической солидарности происходит вследствие увеличения объема общества и его моральной и материальной плотности. Все это влечет за собой усложнение общественного разделения труда и усиление его роли, изменяется не только уклад экономической жизни, но и характер межчеловеческих отношений.

Перейдем к теории социальных изменений Г. Тарда. Причиной социальных изменений, согласно ему, выступают новые идеи – изобретения или открытия: «под этими двумя терминами я (Г. Тард. – *Авт.*) понимаю всякое нововведение или всякое дальнейшее улучшение предшествовавшего нововведения во всякого рода социальных явлениях: в языке, религии, политике, праве, промышленности, искусстве» [23, с. 7]. Однако само изобретение – заслуга не только того, кто его сделал, но и многих тех, кто подготовили появление научной теории, накапливая множество фактов. Распространяются эти нововведения посредством подражания, которое трактуется Г. Тардом достаточно широко, как «подражания-обычая или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения или подражания-воспитания, подражания слепого или подражания сознательного и т. д.» [23, с. 16]. Для Г. Тарда это некоторое универсальное средство или механизм, который обеспечивает повторяемость, объясняет сходство феноменов, это часть универсального закона повторения.

«Изобретение» – изобретает, «подражание» – распространяет, два концепта завязаны друг на друге: «...если мы разложим социальные факты на их составные элементы, то найдем в каждом из них, даже в самом простейшем, различные комбинированные изобретения, молнии гения, накопленные и превращенные в обыденные источники света. [...] В общественном отношении все оказывается изобретениями и подражаниями; подражания – это реки, вытекающие из тех гор, что представляют собой изобретения» [23,

с. 7–8]. Таким образом, изобретение становится значимым социальным явлением или социальным фактом посредством распространения через подражание. Сами изобретения появляются тем чаще, чем интенсивнее и полнее происходит обмен идей между индивидами и группами.

Вопрос, который интересовал Г. Тарда: «по каким причинам некоторые из нововведений (какой-нибудь десяток из сотни неологизмов, мифологических идей, промышленных изобретений и т. д.) быстро усваиваются многими и распространяются в массе, подражающей их авторам? И почему другие, громадное большинство, девяносто из ста, осуждены на забвение?» [23, с. 122]. Он предлагает два типа распространения нововведений: логический и внелогический. Логический связан непосредственно с содержанием нововведения и с осознанностью потребности в нововведении. «Под влиянием причин логических человек принимает нововведение потому, что он находит его полезнее или истиннее других, то есть согласнее с целями и принципами, ранее принятыми тоже в силу подражания. В этом случае дело идет единственно о самом изобретении или открытии... независимо от доверия или недоверия к личности его носителей или к месту и времени его возникновения» [23, с. 122]. Распространение нововведений такого типа может происходить в двух формах: логические поединки и логические союзы. Логический поединок – это такой вид распространения нововведения, при котором вытесняются существующие идеи или привычки, или когда оно происходит параллельно с распространением другого нововведения, удовлетворяющего те же потребности. Логические поединки разделяются на индивидуальные и общественные: «Лишь с завершением процесса индивидуального поединка начинается поединок общественный. Каждому акту подражания предшествует колебание индивида, потому что каждое изобретение или открытие, стремясь распространиться, встречает препятствие, которое должно устранить и которое заключается в идее или привычке, усвоенной каждым отдельным лицом из публики» [23, с. 142]. В противоположность поединку распространение в форме логического союза предполагает, что нововведения не противостоят друг другу, а, наоборот, дополняют и стремятся к соединению.

Внелогический тип лучше всего описывает сверхлогические законы подражания – это некоторые закономерности в распространении нововведений. Согласно Г. Тарду, при равных логических условиях: «1) образцы внутренние вызывают подражание прежде образцов внеш-

них и 2) пример личностей, классов и местностей, признаваемых высшими, берет верх над примерами личностей, классов и местностей низших. [...] Подобная преобладающая роль принадлежит: 3) то настоящему, то прошедшему» [24, с. 165]. Иными словами, верования и желания передаются раньше, чем внешние аспекты поведения, вроде этикета или манер; подражать будут скорее тому, что находится выше в социальной иерархии.

Г. Тард выступал против идеи «втиснуть социальные факты в законы развития, в силу которых они должны, в общем и целом, с незначительными отклонениями, повторяться» [24, с. 12]. Он противопоставлял концепции однолинейного развития свою, которая «почти полная противоположность представлениям линейных эволюционистов и г-на Дюркгейма. Вместо того, чтобы все объяснять предполагаемым верховенством закона эволюции, заставляющего коллективные феномены бесконечно воспроизводиться и повторяться в определенном порядке, объяснять меньшие факты через большие, а часть через целое, я объясняю коллективные черты сходства целого скоплением воедино единичных элементарных действий, объясняю большее через меньшее, а целое – через часть» [24, с. 21]. Движущей силой эволюции Г. Тард считает «целый ряд научных открытий и промышленных изобретений, которые непрестанно накапливаются, взаимно пользуются друг другом, образуют системы и пучки; существующая между ними очень действительная диалектическая связь, точно так же не лишенная извилин, смутно отражается в той связи, которая объединяет народы, способствовавшие её установлению» [24, с. 63].

Итак, Г. Тард акцентирует внимание на причинах и механизмах социальных изменений. По его мнению, социальные изменения можно объяснить возникновением новых идей (изобретений). Изобретение распространяется посредством подражания и таким способом получает социальную значимость. Согласно Г. Тарду, частота подражаний зависит от интенсивности взаимодействия людей, с увеличением интенсивности растет вероятность заимствования, а изобретения появляются тем скорее, чем чаще и полнее происходит обмен идеями между индивидами. Таким образом, для Г. Тарда социальные изменения связаны не с изменениями форм социальности, а с изменениями скорости и механизмов распространения информации.

Чтобы понять различия двух этих теорий социальных изменений, необходимо разобраться в том, как Э. Дюркгейм и Г. Тард видят сам объект изучения социологии. По мнению обоих, социо-

логия должна заниматься исследованием социальных фактов и делать это следует с помощью статистики. Однако их понимание социальных фактов радикальным образом отличается.

Для Э. Дюркгейма общество – это реальность особого рода, не сводимая к другим ее видам. «Общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» [22, с. 493]. Социальная реальность играет главенствующую роль в детерминации человеческого сознания и поведения, индивидуальная реальность вторична. Коллективные представления господствуют над индивидуальными, коллективное сознание – над индивидуальным. Социальный факт, по Э. Дюркгейму, обладает двумя отличительными признаками: «1) его внешнее существование по отношению к индивидуальным сознаниям; 2) принудительное воздействие, которое он оказывает или способен оказывать на те же сознания» [22, с. 528]. Общество в его концепции выступает как независимая от отдельных личностей, внешняя и надиндивидуальная реальность. Поэтому, говоря о социальных изменениях, Э. Дюркгейм делает упор на структурных факторах.

Для Э. Дюркгейма источник социальных изменений в самой социальной реальности – увеличение объема и плотности населения, которое влечет за собой прогресс разделения труда и, следовательно, социальные изменения. Изменения в таких областях, как язык, законы, грамматика, объясняются через структурные изменения общества. Причины социальных явлений следует искать в социальной среде: «...объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества» [22, с. 492]. Разделение труда – общественный феномен, и поэтому может быть объяснен лишь с помощью другого общественного феномена: «...определяющую причину данного социального факта следует искать среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания» [22, с. 499]. Этому принципу соответствует и объяснение Э. Дюркгеймом феномена разделения труда как мирного разрешения борьбы за существование.

В отличие от Э. Дюркгейма, Г. Тард акцентирует внимание на микроуровне. Для него центральной проблемой является связь между монадами [15, р. 27]. Социальное, в его трактовке, это не особая сфера реальности или регион мира, а связь между монадами⁸. В этом смысле, каждая вещь – общество и все вещи – социальные факты [15, р. 28]. Общество – это имя, которое может быть предписано любой ассоциации, например сообщество клеток, звезд

или солнечных систем. В «Законах подражания» Г. Тард дает достаточно расплывчатое определение человеческого общества: «...это группа индивидов, оказывающих друг другу взаимные услуги» [23, с. 54]. Его проект социологии – это, безусловно, редукционизм, но не психологический, а монадологический, социология для него – это что-то вроде «психологии» взаимодействия. «Требовать основных социальных фактов надо не исключительно от внутренне-мозговой психологии, но, главным образом, от между-мозговой психологии, то есть той, которая изучает происхождение сознательных отношений между несколькими, прежде всего между двумя индивидуумами. Разнообразные группировки и комбинации этих основных социальных фактов и образуют затем так называемые простые социальные явления, составляющие предмет специальной социологии» [24, с. 13].

Для Г. Тарда в человеческом обществе нет ничего уникального и особенного, быть обществом монад – это полностью общее явление, это материал, который составляет мир, и в обществе людей нет ничего особенно нового. Сущности, которые интересуют его, не столько люди, сколько новшества, кванты изменений, живущие своей собственной жизнью, – промышленные изделия, стихи, формулы, политические идеи и т.п. [15, р. 60]. Само разделение природы и общества нерелевантно для понимания человеческих интеракций. Таким образом, Г. Тард отказывается брать общество в качестве более высокого, более сложного феномена, чем отдельная монада. Подобная иллюзия, по его мнению, связана с тем, что мы видим человеческое общество наизнанку, в нем – мы дома, мы истинные элементы этих связанных систем индивидов, которые мы называем городами или государствами. Мы знаем все, что происходит внутри. Однако как бы ни были близки и гармоничны отношения между членами группы, они никогда не детерминируют нас полностью, точно так же как сама группа никогда не появляется из ниоткуда. Хотя всегда есть участник, который представляет и персонифицирует группу, эти лидеры всегда такие же члены группы, родившиеся от определенных матери и отца, а не от коллектива в целом или их подопечных [15, р. 36].

Поскольку по Г. Тарду, социальный факт – это нечто много раз повторяющееся, сходное, то источник изменений следует искать на микроуровне. Более того, само разделение на микро- и макроуровни не поможет понять, как общество производится. Нечто большое и целое не превосходит монады, это скорее более простая и стандартизированная версия одной из монад,

которая преуспела в том, чтобы ее интересы и цели разделялись другими. Например, Г. Тард говорит о «народном духе» как о продукте индивидуальных потребностей индивидов. В его концепции каждая область, вроде тех же законов или языка, развивается самостоятельно, хотя порой «их пути пересекаются». Он считает ошибочной идею, «что для понимания правильности, порядка, логического хода социальных фактов следует оставить подробности, с их крайней нерегулярностью, и подняться до обширных обобщений; та мысль, что начало, источник всякой социальной координации находится в каком-нибудь очень общем факте, от которого оно и исходит, значительно ослабляясь, к фактам частным; вообще та мысль, что хотя человек и хлопочет, но его ведет закон эволюции. Я придерживаюсь в некотором роде обратного мнения» [24, с. 62]. Таким образом, чтобы понять социальные изменения, необходимо посмотреть на то, как появилось нововведение и с помощью каких конкретных механизмов и каналов оно получило распространение.

Итак, серьезное расхождение между Э. Дюркгеймом и Г. Тардом состоит в том уровне, на котором социальные изменения анализируются. Э. Дюркгейм, рисуя свою картину социальных изменений, использует скорее общие мазки и делает ставку на макрофакторы, изменения, которые его интересуют, носят социальный характер. Есть прошлое в виде традиционного и сегментарного общества и настоящее в виде современного Э. Дюркгейму индустриального общества раннего капитализма. В этом контексте очень трудно ответить на вопрос, куда мы движемся. Иной формы солидарности, кроме механической и органической, Э. Дюркгейм не предлагает, и в некотором смысле, согласно ему, развитие конечно. Г. Тард акцентирует внимание на конкретных механизмах социальных изменений, условиях распространения инноваций, в связи с чем некоторые его идеи, при должной модернизации, могут быть актуальны и сегодня. Например, для изучения последствий появления новых способов передачи информации вроде Интернета. Хотя на вопрос о том, как появляются сами нововведения, Г. Тард так до конца и не отвечает, изобретение оказывается некоторой случайностью. В то же время у Э. Дюркгейма и Г. Тарда есть нечто общее – они выделяют плотность населения как фактор, способствующий изменениям, но по-разному это объясняют.

Г. Тард предложил иной, альтернативный социологии Э. Дюркгейма, проект социологии ассоциаций. Разница между ними отнюдь не сводится к противостоянию психологизма и

социологизма или социологического номинализма и реализма. Конечно, Г. Тарда с определенными оговорками можно назвать номиналистом, но вряд ли это многое даст.

Э. Дюркгейм считал, что у социологии должен быть свой собственный, отдельный от других наук предмет – социальные факты или общество, которое есть реальность *sui generis*, носящая надындивидуальный характер. Более того, у социологии должен быть свой объяснительный принцип, с помощью общества можно объяснить другие феномены. Подобный взгляд на социологию как на науку о социальном был доминирующим в первой половине XX века. Вероятно, несмотря на критику и существующие альтернативы, идея общества, как её предложил Э. Дюркгейм, останется и будет вдохновлять социологов еще долгое время. Более того, она необходима, поскольку отчасти ориентирована на социальную инженерию.

Однако в конце XX века в социологической теории наблюдается усиление альтернативных подходов, в частности распространение метафор сети [27], потока [28], текучей среды [29], в связи с чем творческое наследие Г. Тарда актуализируется, особенно в теоретическом плане. По Г. Тарду, общество – это, в первую очередь, принцип объединения, ассоциация, и нет никаких оснований выделять человеческие ассоциации среди остальных. В таком рассмотрении социология становится наукой об ассоциациях, отношениях между любыми возможными объектами. Это не значит, что социология ассоциаций в духе Г. Тарда навсегда останется за бортом, интерес к подобным идеям среди социологов возрастает в последние десятилетия в связи с изменениями, происходящими в мире. Однако в российской социологии эвристический потенциал Г. Тарда недооценен.

Примечания

1. В главных ролях: Бруно Латур (Габриэль Тард), Бруно Карсенти (Эмиль Дюркгейм) и Саймон Шаффер (Декан).

2. STS – одно из наиболее популярных направлений в современных социальных науках, оно берет начало из социологии научного знания и исследует процесс создания знания и технологий, а также социальные последствия их применения. Для введения в проблематику см. [1; 2].

3. Идея способа упорядочивания мира в дальнейшем легла в основу масштабного проекта Б. Латура по исследованию режимов существования (*Modes of Existence*), в котором наука является одним из таких режимов. Поскольку наш текст посвящен не Б. Латуру и исследованию его творчества, мы ограничимся ранней концептуализацией науки как спо-

соба упорядочивания. Подробнее о науке как режиме существования см. [4].

4. Для исследователей науки и технологий было важно изобрести альтернативный «Вигской истории» способ исторического повествования. Этот термин был введен Г. Баттерфилдом и означает ретроспективное историческое описание, рассматривающее все исторические процессы в перспективе того, что в итоге свершится. В области исследований науки и технологий это означает, что, исследуя некоторый научный спор, исход которого уже известен, мы описываем все события, предшествующие финальной развязке, так, будто бы изначально было известно, какой ученый прав и чья теория истинна. Как показал Д. Блур, даже математика могла пойти альтернативным путем [8].

5. Принцип симметрии введен в 1976 г. Д. Блуром в рамках его сильной программы в социологии научного знания [10]. Это методологический принцип, который означает, что нам необходимо одинаковым образом объяснять и победителей и проигравших, и истинное и ложное знание. Этот принцип – выпад против социологии знания К. Маннгейма, согласно которой социологическим образом можно объяснить только ложное научное знание, то есть те теории, которые в ходе научного процесса были отброшены и признаны неистинными. О сильной программе в социологии научного знания см. [11].

6. Теория социальных изменений представлена во многих работах Э. Дюркгейма, но основная её часть изложена в «О разделении общественного труда», впервые она вышла в парижском издательстве «Алькан» в 1893 г. Перевод этого издания был сделан П.С. Юшкевичем и вышел в 1900 г. в Одессе в типографии Г.М. Левинсона. Ко второму изданию в 1902 г. Э. Дюркгейм написал важное для понимания его теории предисловие. Третье издание вышло в 1911 г., еще при жизни Э. Дюркгейма. В данной работе используется русский перевод А.Б. Гофмана по третьему изданию: Durkheim E. De la division du travail social. P.: Alcan, 1911 г. [21]. Общие методологические основы Э. Дюркгейма наиболее полно изложены в работе «Правила социологического метода», или «Метод социологии», которая была написана в 1895 г. Первый перевод «Метода социологии» вышел в 1899 г. в Южно-Русском книгоиздательстве Ф.А. Иогансона. Ко второму изданию «Метода социологии» (1901) Э. Дюркгейм написал новое предисловие. В дальнейшем эта работа выдержала множество изданий во Франции. В данной статье используется русский перевод А.Б. Гофмана по тринадцатому изданию: Durkheim, E. les règles de la méthode sociologique. P.: Presses Universitaires de France, 1956 [22].

7. Относительно теории Г. Тарда: наша работа базируется на его труде «Законы подражания», т.к. именно в ней он впервые и наиболее полно изложил свою концепцию социальных изменений. Также, по своему собственному выражению, в этой работе Г. Тард «старается составить очерк общей социологии». Поэтому она представляет интерес и при изучении его методологии. Сама работа написана в 1890 г. Её единственный перевод вышел в 1892 г. в издании Ф. Павленкова. В данной работе используется пере-

издание этого перевода [23]. При изучении методологии Г. Тарда наибольший интерес представляют две его работы: «Монадология и социология» и «Социальные законы». В данной работе используется перевод И. Гольденберга [24]. В последней он кратко излагает содержание предшествующих трудов и объясняет их связь. Стоит отметить, что при написании работы «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм был знаком с работой Г. Тарда «Законы подражания», неоднократно ссылался на нее, полемизируя по самым разным вопросам, в том числе критикуя концепцию подражания Г. Тарда. В «Правилах социологического метода» Э. Дюркгейм противопоставляет своё видение социальных фактов теории Г. Тарда. Последний, в свою очередь, также был знаком с работами Э. Дюркгейма. В «Социальных законах» Г. Тард противопоставляет свою концепцию социальных изменений представлениям линейных эволюционистов, и в частности Э. Дюркгейма.

8. Монада – это некоторый материал, из которого составлены все элементы вселенной. Эту концепцию Г. Тард позаимствовал у Г. Лейбница, в трактовке которого монады существуют изолированно друг от друга: «Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [26, с. 413–414].

Список литературы

1. The Handbook of Science and Technology Studies / Ed. by E. J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman. Third Edition. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2008. 1065 p.
2. Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Second Edition. Wiley-Blackwell, 2010. 244 p.
3. Latour B., Woolgar S. Laboratory life. The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press, 1986. 296 p.
4. Latour B. An Inquiry into Modes of Existence. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2013. 490 p.
5. Загребина А.В. Теория Г.Тарда в контексте французской социологии второй половины XIX века // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 308–309.
6. Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма // История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов / Отв. ред. акад. РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1999. С. 140–182.
7. Фирсова Н.Ю. Предвестник исследований диффузии инноваций Габриэль Тард: «Общество – это подражание» // Социология власти. 2012. № 6–7(1). С. 298–314.
8. Блур Д. Знание и социальное представление. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика / Пер. Е. Напреенко // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 150–177.
9. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
10. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London: Routledge, 1976. 156 p.

11. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 162–185.
12. The Debate [online]. URL: <http://www.brunola-tour.fr/sites/default/files/downloads/TARDE-DURKHEIM-GB.pdf> (дата обращения: 29.11.2015).
13. Latour B. Gabriel Tarde and the End of the Social // *The Social in Question: New Bearings in History and the Social Sciences*. London: Routledge, 2002. P. 117–132.
14. *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments (Culture, Economy and the Social)* / Matei Candea (Editor). London: Routledge, 2010. 304 p.
15. Tarde G. *Monadology and Sociology* / T. Lorenc (Translator). Melbourne: re.press, 2012. 95 p.
16. Гофман А.Б. Социология как социальная психология: Г. Тард // *История теоретической социологии*. В 4 т. Т. 1 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, 1997. С. 215–220.
17. Зборовский Г.Е. Теория подражания. Идеи Г. Тарда // *История социологии: Учебник*. М.: Гардарики, 2007. С. 107–110.
18. Кон И.С. Психологическая социология конца XIX – начала XX в. // *История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов* / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1999. С. 56–78.
19. Култыгин В.П. Г. Тард // *Классическая социология*. М.: Наука, 2000. С. 48–55.
20. Овчаренок В.П. Психологическая социология Г. Тарда // *История социологии: В 3 кн.: Учебник*. Кн. 1: *История социологии (XIX – первая половина XX в.)* / Под ред. проф. В.И. Добренькова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 116–125.
21. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. С. 3–390.
22. Дюркгейм Э. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. С. 391–532.
23. Тард Г. *Законы подражания*: Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2011. 304 с.
24. Тард Г. *Социальные законы* / Пер. с фр. И. Гольденберга // *Социальные этюды*. СПб.: Издание Ф. Павленкова. С. 1–82.
25. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М.: Мысль, 2001. 478 с.
26. Лейбниц Г. *Монадология* // Готфрид Вильгельм Лейбниц. *Сочинения в четырех томах*. Том 1. М.: Академия наук СССР, Институт философии, Издательство «Мысль», 1982. С. 413–429.
27. Кастельс М. *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура* / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ВШЭ, 2000. 606 с.
28. Урри Д. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия* / Пер. с англ. Д. Кралечкин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
29. Mol A., Law J. *Regions, Networks, and Fluids: Anaemia and Social Topology* // *Social Studies of Science*. 1994. №4. P. 641–672.

**SOCIOLOGY OF THE SOCIAL AND ASSOCIATIONS:
EMILE DURKHEIM AND GABRIEL TARDE ABOUT CHANGES IN SOCIETY**

A.V. Kuramshev, A.A. Shirokov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In this article, the authors try to redefine G. Tarde's and E. Durkheim's contribution to social theory. Drawing on comparative analysis of the theories of social change, the differences between E. Durkheim's and G. Tarde's sociological projects are shown. These differences cannot be reduced to the opposition between psychologism and sociologism or sociological nominalism and realism. They are considered as a result of essentially different understanding of the nature of social fact. The authors make an assumption that G. Tarde's sociology of associations project, which is underestimated in Russian sociology, is an alternative to E. Durkheim's sociology.

Keywords: E. Durkheim, G. Tarde, theories of social change, social, associations, social fact.